

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.7.32>

Хертек Лидия Кенденовна

Лингвокультурный концепт ЗАПРЕТ в тувинских героических сказаниях

Цель исследования - определить национальную специфику в структуре концепта ЗАПРЕТ и выявить особенности его репрезентации в тувинских героических сказаниях. Изучение смыслового потенциала концепта ЗАПРЕТ в эпическом дискурсе производится с привлечением этнографического и культурологического материала. Научная новизна настоящей работы заключается в выборе объекта исследования, поскольку впервые выявляется и обосновывается концепт ЗАПРЕТ в тувинской эпической традиции, что существенно развивает тувинскую лингвофольклорную концептологию. В результате исследования устанавливается роль концепта в эпическом миромоделировании, исследуется специфика эпического концепта ЗАПРЕТ по отношению к исходному инвариантному понятию запрета, выявляется сущность его эпического дискурсивного воплощения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/7/32.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 7. С. 170-174. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/7/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

в направлении его усиления; INTR – непереходный глагол; FUT – будущее время; HAB – вид обычности действия; LOC – местный падеж; том – вид однократного действия; NEG – отрицательная частица; OBJ – утвердительно-объектная форма спряжения; PL – множественное число; POSS – притяжательный аффикс; PRON_{poss} – притяжательное местоимение; Sg – единственное число; SUP – супин; TR – переходный глагол; VN – имя действия; v – соединительный гласный.

Список источников

1. Бондарко А. В. Теория морфологических категорий и аспектологические исследования. М.: Языки славянских культур, 2005. 624 с.
2. Иохельсон В. И. Одульский (юкагирский) язык // В помощь учителю юкагирского языка и культуры: учебное пособие / сост. В. И. Шадрин. Якутск: Офсет, 2006. С. 5-48.
3. Крейнович Е. А. Исследования и материалы по юкагирскому языку. Л.: Наука, 1982. 302 с.
4. Крейнович Е. А. Юкагирский язык // Языки Азии и Африки: в 5-ти т.: в 6 кн. М.: Наука, 1979. Т. 3. С. 348-368.
5. Курилов Г. Н. Лексикология современного юкагирского языка. Новосибирск: Наука, 2003. 285 с.
6. Курилов Г. Н. Современный юкагирский язык. Якутск: Офсет, 2006. 280 с.
7. Лукина М. П. Особенности морфологического способа образования глаголов косвенной засвидетельствованности в юкагирском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 7 (85). Ч. 2. С. 352-357.
8. Прокопьева А. Е. Полевые материалы автора статьи. Верхнеколымский улус Республики Саха (Якутия), 2012-2014.
9. Прокопьева П. Е. Словарь языка лесных юкагигов (буквы Л – Т): отчет по теме НИР. Якутск, 2009. 300 с. // Архив Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук. Инв. № 244.
10. Прокопьева П. Е. Словарь языка лесных юкагигов (тезаурусного типа). Буквы У – Э: отчет по теме НИР. Якутск, 2013. 277 с.
11. Прокопьева П. Е. Юкагирский (одульский) язык для дошкольников. Якутск: Офсет, 2005. 124 с.
12. Шалугин В. Г. Ньиздьиипэлэк уөрпэнин: учеб. пособие. Якутск: Изд-во ЯГУ, 2004. 36 с.

Means to Express Inceptiveness in the Forest Yukaghir Language

Prokopyeva Aleksandra Egorovna, PhD

*Russian Academy of Sciences, Siberian Branch, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Yakutsk
aleksprok-e@yandex.ru*

The Yukaghir language has a rich word-formation system. The Yukaghir verbs are formed mainly by the suffixal method. Derivational suffixes often transfer the slightest nuances of the verb meaning. The research objective is to identify and describe the basic means to express inceptiveness in the Kolyma dialect of the Yukaghir language (the Forest Yukaghir language). Scientific originality of the study lies in the fact that relying on an analysis of linguistic material, the author for the first time highlights linguistic markers of inceptiveness in the Forest Yukaghir language. Some of the identified markers have not been previously investigated. The conclusion is made that in the Forest Yukaghir language, inceptiveness is expressed by both grammatical (verb forms with inceptive semantics) and non-grammatical (analytical) means.

Key words and phrases: Yukaghir language; Forest Yukaghir language; Kolyma dialect; word-formation; morphology; verb; inceptiveness; affix; word stem.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.7.32>

Дата поступления рукописи: 14.05.2020

Цель исследования – определить национальную специфику в структуре концепта ЗАПРЕТ и выявить особенности его репрезентации в тувинских героических сказаниях. Изучение смыслового потенциала концепта ЗАПРЕТ в эпическом дискурсе производится с привлечением этнографического и культурологического материала. **Научная новизна** настоящей работы заключается в выборе объекта исследования, поскольку впервые выявляется и обосновывается концепт ЗАПРЕТ в тувинской эпической традиции, что существенно развивает тувинскую лингвофольклорную концептологию. **В результате** исследования устанавливается роль концепта в эпическом миромоделировании, исследуется специфика эпического концепта ЗАПРЕТ по отношению к исходному инвариантному понятию запрета, выявляется сущность его эпического дискурсивного воплощения.

Ключевые слова и фразы: концепт ЗАПРЕТ; концептуальные признаки; репрезентант; тувинские героические сказания; эпический дискурс.

Хертек Лидия Кенденовна, к. филол. н., доц.
Тувинский государственный университет, г. Кызыл
lidia.hertek@yandex.ru

Лингвокультурный концепт ЗАПРЕТ в тувинских героических сказаниях

Запреты (тув. «хоруглар») как совокупность определенных правил, связанных со всем укладом жизни человека, занимают значительное место в традиционной культуре тувинцев. До сих пор в тувиноведении запреты изучались в историко-эволюционном плане, в контексте верований, чтобы воссоздать наиболее полную

картину духовной жизни народа, его нравственных приоритетов и правовых нормативов. Обширные историко-этнографические сведения по запретам в реалиях быта и обрядов тувинцев содержатся в работах М. Б. Кенин-Лопсана, Л. П. Потапова, Л. В. Гребнева, С. Вайнштейна, М. Х. Маннай-оола и др. [3; 5; 7; 9; 11].

Вместе с тем запрет как концепт в тувинском эпическом фольклоре представляет еще не изученную область знания. В свое время известный фольклорист В. Я. Пропп заметил, что «запреты – очень важный и интересный культурно-исторический элемент. По тому, что запрещается, можно определить эпоху и ее характер» [12, с. 201].

Актуальность избранной темы исследования определяется значимостью концепта ЗАПРЕТ в системе ценностей носителей тувинского языка и культуры, так как концепт объективируется средствами языка и становится частью их языковой картины мира. Мы также считаем, что возможность и необходимость изучения концепта ЗАПРЕТ в дискурсе героического эпоса, в том числе и в лингвистическом аспекте, важно для исследования языка тувинского фольклора в целом.

Для достижения указанной цели необходимо решить следующие **задачи**: во-первых, изучить смысловой потенциал концепта ЗАПРЕТ в эпическом дискурсе; во-вторых, определить роль и функцию концепта в эпическом миромоделировании; в-третьих, изучить специфику эпического концепта по отношению к базовому культурологическому понятию запрета; в-четвертых, произвести средствами эпического текста реконструкцию исходных представлений, лежащих в основе семантики концепта, с привлечением этнографического, культурологического и языкового материалов.

Лингвокультурологический подход предполагает применение следующих **методов исследования** и приемов. Для построения номинативного поля методом сплошной выборки были выделены слова и словосочетания, репрезентирующие концепт ЗАПРЕТ. Также применялись такие виды анализа, как лингвистическое описание, контекстный анализ, концептуальный анализ, структурно-семантический метод (компонентный анализ). Результаты исследования подвергаются когнитивной интерпретации. Для выявления специфики концепта нами были привлечены этнографический и культурологический материалы.

Объектом изучения является концепт ЗАПРЕТ, представленный в эпических текстах.

Предмет исследования – языковые средства реализации концепта ЗАПРЕТ в дискурсе тувинских героических сказаний (далее – ТГС), причем анализируются как лексические единицы, чье значение указывает прямо на запрет, так и те, что обозначают запрет контекстуально.

Материалом данного исследования выступили тексты двух авторитетных в научном отношении эпических сказаний «Боктуг-Кириш, Бора-Шээлей», «Хунан-Кара», опубликованных в двуязычном академическом издании «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» [2; 16]. Также мы привлекли текст сказания «Мого Шагаан-Тоолай», изданного в серии «Памятники устного народного творчества» в 6-ти томах [10]. Данная серия является первой научной публикацией эпических сказаний на тувинском языке, сохранившей подлинную народную речь во всех ее диалектных и архаических формах.

Теоретической базой исследования послужили труды по изучению языка фольклора А. Т. Хроленко, Ю. С. Степанова, С. Г. Воркачева, Е. Б. Артеменко и предложенная ими методика исследования фольклорных концептов [1; 4; 14, 15].

Практическая значимость исследования заключается в том, что результаты исследования могут быть использованы в практике создания словаря эпических концептов.

В общественном сознании запрет представляет собой, с одной стороны, ситуативную нежелательность, с другой стороны, разновидность нормы. Необходимо отметить, что существовавшая издревле система запретов регламентировала многие стороны повседневной жизни тувинцев. В суровых природных условиях, в которых проживал народ, эти запрещающие знания были необходимы для выживания. Со временем запрет для тувинцев стал важной составляющей национальной культуры, связанной с представлениями об окружающей действительности и о месте человека в нем.

В тувинском языке запрет вербализуется существительным «хоруг» (*русск.* «запрет») либо глагольными формами «хоруур», «шеглээр» (*русс.* «запрещать, пресекать»), «ыпчап болбас», «мыпчап болбас» (*букв.* «так нельзя делать»), оборотом «ужур ындыг» (*букв.* «так принято»). Наличие в языке целого ряда синонимических средств реализации связано с так называемой «номинативной плотностью» концепта (термин В. И. Карасика), указывает на его значимость для носителей языка и культуры [6, с. 133].

В эпическом дискурсе репрезентация концепта ЗАПРЕТ может быть разной. Представим свод употреблений лексем, вербализующих концепт ЗАПРЕТ, в ТГС «Боктуг-Кириш, Бора-Шээлей».

Запрет выступает в форме просьбы, предложения, без прямого указания на выполнение: Эр-даа тура ха-лааш, / Аьттаныр деп баарга, / Дынмазы тургаш: «Аьдын чоп оглаа хирелиг чувел мон? Ок-чан **дужуруп ка-гбас** сен бе?» [2, с. 312]. / «Когда богатырь, быстро встав, / Хотел вскочить на коня, / Сестра его спросила: / А насколько пугливый твой конь? / **Не снимешь ли ты лук со стрелой?»** [8, с. 313].

Запрет как категорическая просьба никуда не ходить, напоминающая приказ: «Сен ам уш хонукта / Черле **чувээ барба**, акым, / Мен кончуг багай душ дужедим – деп / Ыгланайнып олуруп тур» [2, с. 320]. / «Брат мой, ты эти три дня / **Не уезжай никуда**: / Сон приснился мне очень плохой! – / Говорит, плача» [8, с. 321].

Запрет в форме «так принято»: «Эр кижини херээжен кижини / **Артап болбас-ла** чуве ыйнаан, / Сени артаар ужурга таварышкан-дыр» [2, с. 430]. / «Хотя женщина через мужчину / И не должна перешагивать, / Пришла нужда перешагнуть через тебя» [8, с. 431].

Запрет контекстуальный выражен через вопрос, подразумевающий запрет: «“Кижини черинге **бо-ла хевээр / Чоруур сен бе?**” – деп-тир эвеспе» [2, с. 334]. / «И в чужом краю свой (богатырский) облик не станешь скрывать?» [8, с. 335].

Запрет в форме увещания, нравоучения: «Аныяк киж и андыг **далаш болбас**, оглум» [2, с. 368]. / «Сынок, молодой человек не должен так горячиться» [8, с. 369].

Запрет на слово: «Сээн **ойзуур** чувелерин болза, / “Хая” **дивес** сен, “суг” база **дивес**, “дыт” база **дивес**, / “Бору” база **дивес**, “кусун” база **дивес**, “карак” база **дивес**. / “Соктап” база **дивес**, “чип” база **дивес**, / “Хой” база **дивес**» [2, с. 458]. | «Что касается слов, каких тебе не следует говорить: / Ты “скала” **не говори**, и “река” **не говори**, “ворон” **не говори**, и “глаз” **не говори**, / И “выклевать” **не говори**, и “сьел” **не говори**, / И “овца” **не говори**» [8, с. 459].

Конкорданс лексемы «запрет» в ТГС «Хунан-Кара» следующий.

Запрет на кормление материнским молоком: «Иезинин изиг эмийнин судун / Эмзирер **ужур окта чок**, / Назынынга бачыттыг оол-дур» [16, с. 70]. | «Горячим молоком / Из материнской груди / Кормить нельзя» [8, с. 71].

Запрет выступает как наказ матери: «**Улуг сеткил сеткип болбас**, / Улугнун адаанга олуруп, / Кысканын кыдынга олуруп чоруур, оглум» [16, с. 116]. / «**Не будь высокомерным**, / Садись ниже тех, кто старше тебя, / Садись с краю тех, кто младше тебя» [8, с. 117].

Запрет как условие, нарушение которого приведет к негативным последствиям: «Эр киж и / Бир оруун углаан черинге **барбаска**, / Бир назыда / Донгур кок буга бооп торуттунгештин, / Донгелик шашкылап чоруур боор» [16, с. 134]. / «**Если** мужчина / Не едет туда, куда он стремился, / В следующей жизни своей / Комолым сивым быком родится / И будет биться о кочки» [8, с. 135]. Языковое представление в виде предложения с условным придаточным.

Запрет оставаться без имени контекстуальный, выражен как наказ: «Чаа-дайынга баар киж и болза, / **Аттыг-сыптыг**-даа чоруур, / Аьттыг-холдуг-даа чоруур, / Октуг-чемзектиг-даа чоруур чуме» [16, с. 98]. / «Если тебе суждено отправиться на битву-войну, / Поедешь с именем, которое станет тебе опорой, / Поедешь с конем верховым, / Поедешь с оружием боевым» [8, с. 99].

Запрет на номинацию (иносказание): «**Бажында карактыг**, / **Пагында салдыг** / **Амытан** ужуражып келгештин: “Адан адаан адын кымыл?” – дээр болгай. / “Иен адаан шолан кымыл?” – дээр болгай» [16, с. 98]. / «А то встретишься с существом / С глазами в глазницах, / С усами на лице, / Скажет (оно) ведь: “Как твое имя, / Данное отцом?” / Скажет (оно) ведь: “Как твое прозвище, / Данное матерью?”» [8, с. 99].

Средства вербализации концепта ЗАПРЕТ в эпосе «Мого Шагаан-Тоолай» также многочисленны.

Материнский запрет: «Бо тайга ыдык тайга боор. / **Киж и барбас, киж и баспас**. / Сээн адаларын безин / Базып корбээн чер чуве, / **Бйнаар барбас сен, оглум** – деп / Чагып олуруп тур» [10, с. 34]. / «Эта тайга священная. / Человек там не был, на землю ее не ступала нога человека. / Даже предки твои не всходили на нее. / Не ходи туда, сынок, – наказывает она» (здесь и далее перевод автора статьи. – Л. Х.).

Запрет контекстуальный, оформлен как наказ старшего по возрасту: «Ашактын ак аьды: “**Киж и атпас чоор, оглум**” – деп Чугаала дээрге, / Ашак: “**Киж и атпас чоор, оглум**” – дээр орта» [Там же, с. 40]. / «Белый конь старика: “Скажи ему, нельзя в людей стрелять, сынок”. / Старик говорит: “Нельзя в людей стрелять, сынок”».

Запрет стричь первые, так называемые «утробные», волосы до достижения определенного возраста, обычно до 3-х лет: «Ол хап бар чыда, бодап чоруурга, / Арнында чуве-ле имилээр болган. / Тудуп коорге, бажынын дугу болган. / Оон: – “Оо, авамга адымны алыин, / Бажымны чулудуп алыин” – дээш, / Авазынга хап чедип келген» [Там же, с. 43]. / «Вот едет (он) и думает, / По лицу его что-то трогаает-шевелится. / Потрогал, оказалось, что это его волосы. / “Оо, попрошу мать / Имя мне дать и / Волосы постричь”. – / Сказав так, поехал к матери».

Запрет оставаться без имени: «**Адаарга, адым-шола-даа чок** киж и мен» [Там же, с. 41]. / «Если позвать, нет у меня ни имени, ни прозвища»; «**Адымны адап бер**, / Бажымны чулуп бер, авай» [Там же, с. 43]. / «Дай мне имя, мама, / Отстриги мне волосы, мама».

Запрет как нравственное условие: «Эр киж и бир соругдаан чувезин / **Чедип албас болза**, / Тоогузу дожек чудурер / Донгур кок буга боор дээни чуве кай» [Там же, с. 44]. / «**Если** мужчина / **Не едет туда, куда он задумал поехать**, / В будущей жизни / Сивым быком комолым родится / И будут на нем поклажу возить». Такой же запрет встречается в ТГС «Хунан-Кара», разница только в наказании (кара): «Тоогузу дожек чудурер» [Там же]. / «И будут на нем поклажу возить» и «Донгелик шашкылап чоруур боор» [16, с. 134]. / «И будет биться о кочки».

Репрезентация концепта ЗАПРЕТ в ТГС. Итак, в анализируемых сказаниях концепт ЗАПРЕТ включает в себя значительную коммуникативную информацию и реализуется, как было видно, не в пределах одной лексемы, а являет собой целое суждение, имеющее довольно четкую структуру и несущее «сгусток смысла» (термин Ю. С. Степанова) [14, с. 40-43].

Осмысление смыслового содержания концепта ЗАПРЕТ произведем через изучение языковых средств его репрезентации и анализ его коммуникативной реализации.

Чаще всего запрет высказывается в диалоге протагониста с разными персонажами и выражает определенное содержание в форме наказа, совета, порицания, просьбы, увещания либо требования и прямого неразрешения. При этом основной, актуальный признак концепта ЗАПРЕТ в тувинских сказаниях составляет то, что является сущностью понятия «запрет»: «ынчип болбас», «хоржок» – «так нельзя делать», и это главный признак данного концепта.

Этот концептуальный признак в ТГС имеет функциональное значение и выступает как катализатор сюжета, поскольку нарушение запрета приводит к испытанию, то есть дальнейшему разворачиванию сюжета.

Структурно обязательным и постоянным компонентом концепта ЗАПРЕТ является глагол в форме повелительного наклонения с отрицанием какого-либо действия: «(черле) **барба**» – «не ходи (никогда)»; «артап

болбас-ла» – «нельзя перешагивать»; «кижи атпас» – «в человека не стреляй»; «дивес» – «не говори, не называй», «чедип албас» – «не достигь», «дужуруп кагбас» – «не снимешь», «барбас, баспас» – «не ходить, не топтать»; либо прилагательное, характеризующее личностные качества человека, также с отрицанием: «далаш болбас» – (букв.) «нельзя быть скорым, быстрым, т.е. нельзя горячиться», также «ойзуур» – (букв.) «неназываемое, избегаемое (наименование)»; наречное образование: «ужур окта чок» – «невозможно» и др. Также отметим, что в одном случае запрет включен в состав устойчивого выражения «улуг сеткил сеткип болбас» – «нельзя быть высокомерным». В тувинском языке формальным показателем отрицания выступают конечные аффиксы **-вес, -вас, -ба, -бас**, фонетические варианты **-па, -пас**. В грамматической структуре концепта «запрет» этот признак становится определяющим. Отрицание включает в себя всю коммуникативно значимую информацию: что нельзя делать, каким нельзя быть и др.

В эпическом дискурсе за счет опорных слов и единообразия синтаксического построения концепт ЗАПРЕТ обретает такую характеристику, как формульность. По мнению ученых, описания типизированных ситуаций в эпосе образуют блоки, так называемые эпические формулы, служащие для объективации на языковом уровне концептуальных и фреймовых структур [1; 12; 16]. Смысловым ядром формульного представления концепта ЗАПРЕТ являются лексемы со значением отрицания «болбас» – «так нельзя». Также отметим использование синонимичных «хоржок» (букв. «нельзя»), «ынчанмас», «кылбас» (букв. «не делай так»), «болбас-ла чуве ыйнаан», «ужур окта чок» (букв. «так не принято»), «дивес» (букв. «так не говорить»), «ойзуур» (иносказательно, не прямо называть).

Важной когнитивной составляющей семантики эпического концепта ЗАПРЕТ становится понятие «эр киж» – «мужчина, муж». «Эр киж» – главный герой, его имя сопровождают следующие смысловые характеристики: он «добрый-доблестный» (тув. «экер-зрес»), «учливый-вежливый, с огоньком в глазах... с дорогой дальней, с замыслом дальним» (тув. «эвиленнээн, човуленнээн оттуг карактыг... узун чоруктуг, узак сагыштыг»). Так выстраивается ментальный образ богатыря, мыслимого мифическим первопродком, демиургом и культурным героем. Запреты в ТГС, в первую очередь, касаются деяний протагониста и характеризуют его образ: «Эр киж / Бир оруун углаан черинге барбаска, / Бир назыда / Донгур кок буга бооп торуттунгештин, / Донгелик шашкылап чоруур боор» [16, с. 134]. / «Если мужчина / не едет туда, куда (он) стремился, / В одной жизни своей / Сивым быком комолым родится / И будет бить кочки». Также в ТГС присутствует запрет перешагивать через мужчину («Хотя женщина через мужчину / И не должна перешагивать») [2, с. 431].

Первый подвиг эпического богатыря Кара-Когела случается вследствие нарушения материнского недозволения охотиться на зверя, которого страшилась даже предки героя. Золотистый Марал-тайга – запретное священное животное, этимология образа восходит к древним анимистическим представлениям тувинцев. Люди верили в духов-хозяев тайги – (тув.) тайга ээзи, духов-хозяев гор, рек, озер – (тув.) даг ээзи, хем ээзи, хол ээзи, которых почитали, совершали в их честь обряды поклонения (тув. «дагылга»). Есть мифы, рассказывающие о гневе духов природы, если человек вольно или невольно вторгнулся в их среду [7]. В эпическом контексте неизбежно возникает отсылка на эти мифы, соответственно, в семантический состав эпического концепта ЗАПРЕТ включается вся когнитивная информация мифов, что делает этот концепт явлением культуры.

Другой пример, связанный с обрядовым действием имянаречения, которому в эпическом дискурсе уделяется большое внимание: «аттыг-сыптыг чоруур» – (букв.) «у тебя должно быть имя», «адым-шолам чок киж мен» – (букв.) «нет у меня ни имени, ни прозвища», «адымны адап бер, авай» – (букв.) «нареки меня именем, мама». Имянаречение как понимание, что у героя обязательно должно быть имя, выступает как запрет оставаться без имени. Здесь обнаруживается более глубокий смысл, отсылающий к традиционной культуре народа, чем непосредственное значение запрета. Как известно, имянаречение – один из важнейших обрядов в жизни тувинцев. Считалось, что имя для человека ниспосылается свыше, оно воспринималось как заветное, сакральное слово, обладающее магической силой. Безымянными (тув. «Адыжок») оставались люди без роду-племени, либо ребенку, желая уберечь его от сглаза или от нечистой силы, давали не имя, а прозвище (тув. «шола»), т.н. «иносказательное имя» (тув. «ойзу адаан»), своеобразный вербальный оберег. Эта обрядовая параллель обогащает содержание концепта, выступая в роли подтекста, и объясняет, откуда эта норма пришла в эпос.

Итак, очевидно, что концепт ЗАПРЕТ обладает высоким уровнем представленности в анализируемых текстах. Большинство ключевых эпизодов в эпических сюжетах возникают через реализацию идеи запрета. Главные эпические персонажи – богатырь, демиург, первопродок – вовлекаются в сюжетные перипетии, где они ставятся перед ситуацией принятия запрещающей нормы либо ее нарушения и, как следствие, борьбы или отказа от нее. ТГС пронизан идеями поддержания или нарушения правил, норм, табу. Но при этом сам концепт, сохраняя внешнее сходство с инвариантным общекультурным запретом, получает иное образное и ценностное воплощение, а именно наполняется содержанием, значимым и необходимым для эпической эстетики.

Таким образом, на основании всего вышесказанного мы приходим к следующим **выводам**.

Во-первых, концепт ЗАПРЕТ является фактом эпического языка. Основное содержание тувинского эпоса, возникновение конфликтов и их разрешение в большинстве случаев строятся на нарушении табу: запрет охотиться на священного зверя, запрет на номинацию, материнский запрет, особый авторитет и запрет из уст старшего по возрасту человека и др. Этот набор запрещающих знаний актуален для эпического мира, генетически связан с системой представлений о запрете, которые восходят к реальности и отталкиваются от нее.

Во-вторых, несомненно, эпический мир оперирует знакомым реальным материалом, но при этом трансформирует его, растворяет в своей кодовой системе и создает концепт, соответствующий закономерностям и нормам эпической эстетики.

В-третьих, в эпическом концепте ЗАПРЕТ семантизируется норма, значимая для эпического миромоделирования и для восстановления нарушенной эпической гармонии. Так, запрет и его нарушение становятся инициацией, которую герой должен пройти (Хунан-Кара, Кара-Когел), либо выражением мифологемы судьбы (Боктуг-Кириш).

В-четвертых, ценностная составляющая, касающаяся соблюдения морально-этических норм, является обязательной для концепта ЗАПРЕТ и определяет духовные ценности, к которым он отправляет. Семантическое наполнение включает оценочные характеристики и коннотации: «не быть высокомерным», «нельзя горячиться», «не стрелять в человека» и др.

В-пятых, концепт ЗАПРЕТ в эпическом дискурсе за счет опорных слов и единообразия синтаксического построения приобретает вид формулы и соотносится не со словом, но с суждением. При этом важным языковым выразителем концепта становится глагол в форме повелительного наклонения с отрицанием какого-либо действия.

В-шестых, концепт имеет национально маркированную семантику, выступает как культурно-ментальное образование, дающее представление о менталитете тувинцев, их нравственных приоритетах, обычаях и верованиях.

Дальнейшими перспективами исследования представляются следующие: 1) сопоставление концептов ЗАПРЕТ в тувинском и русском эпическом наследии для более детального выявления национальной специфики исследуемого концепта; 2) осмысление семантики запрета в контексте процессов категоризации и концептуализации эпической картины мира, в частности в формировании пространственно-временных категорий в ТГС.

Подводя итог всему вышесказанному, следует подчеркнуть, что запрет является одним из древнейших и ценностно значимых концептов для носителей тувинского языка и культуры.

Список источников

1. **Артеменко Е. Б.** Концептосфера и язык фольклора: характер и формы взаимодействия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vantit.ru/narodnaja-kultura-4/567-kontseptosfera.html> (дата обращения: 15.01.2020).
2. **Боктуг-Кириш, Бора-Шээлей: тувинские героические сказания** // Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока: в 60-ти т. / сост. С. М. Орус-оол. Новосибирск: Наука, 1997. Т. 12. С. 298-527.
3. **Вайнштейн С. И.** Мир кочевников центра Азии. М.: Наука, 1991. 296 с.
4. **Воркачев С. Г.** Studia selecta: избранные работы по теории лингвокультурного концепта: монография. М.: Флинта, 2015. 169 с.
5. **Гребнев Л. В.** Тувинский героический эпос (опыт историко-этнографического анализа). М.: Восточная литература, 1960. 145 с.
6. **Карасик В. И.** Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 476 с.
7. **Кенин-Лопсан М. Б.** Тыва улустун бурунгу ужурлары. Кызыл: Тыванын ном ундурер чери, 1994. 174 с.
8. **Кудияров А. В.** Перевод текстов, комментарии к переводу. Тувинские героические сказания // Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока: в 60-ти т. / сост. С. М. Орус-оол. Новосибирск: Наука, 1997. Т. 12. С. 55-527.
9. **Маннай-оол М. Х.** Тувинцы. Происхождение и формирование этноса. Новосибирск: Наука, 2004. 166 с.
10. **Моге Шагаан-Тоолай: тувинские героические сказания** // Памятники устного народного творчества: в 6-ти т. / сост. С. М. Орус-оол. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1990. Т. 1. С. 13-100.
11. **Потапов Л. П.** Очерки народного быта тувинцев. М.: Наука, 1969. 402 с.
12. **Пропп В. Я.** Русская сказка. М.: Лабиринт, 2000. 416 с.
13. **Сидорова М. Б.** Роль эпических формул в объективации фрейма-сценария «сражение» в дискурсе якутского олонхо // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 5 (23). Ч. 1. С. 155-159.
14. **Степанов Ю. С.** Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.
15. **Хроленко А. Т.** Введение в лингвофольклористику: учеб. пособие. М.: Флинта, 2010. 192 с.
16. **Хунан-Кара: тувинские героические сказания** // Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока: в 60-ти т. / сост. С. М. Орус-оол. Новосибирск: Наука, 1997. Т. 12. С. 54-297.
17. **Чернуосова И. П.** Фольклорно-языковая картина мира, представленная в диалоговой модели (на материале русской волшебной сказки) // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 14 (305). Филология. Искусствоведение. Вып. 77. С. 114-120.

Linguocultural Concept PROHIBITION in the Tuvan Heroic Tales

Khertek Lidia Kendenovna, PhD
Tuvan State University, Kyzyl
lidia.hertek@yandex.ru

The research aims to determine national specifics in the structure of the PROHIBITION concept and to identify peculiarities of its representation in the Tuvan heroic tales. The study of the notional potential of the PROHIBITION concept is conducted within the epic discourse using ethnographic and culturological materials. Scientific novelty of the work lies in the chosen object of the study, since the PROHIBITION concept is for the first time identified and substantiated within the Tuvan epic tradition, which greatly furthers the Tuvan linguocultural conceptology. As a result of the study, the role of the concept in the epic world-modelling is identified, specifics of the epic PROHIBITION concept in regard to the initial invariant notion of prohibition is studied, the nature of its epic discursive actualisation is determined.

Key words and phrases: concept PROHIBITION; conceptual attributes; representative; Tuvan heroic tales; epic discourse.